

ЗАМЕТКИ О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ «СВОДА 1305 Г.»

Предметом пристального внимания в историографии русского летописания остается Лаврентьевская летопись¹, отразившая «Свод 1305 г.». Лаврентьевская летопись сохранилась в списке 70-х годов XIV в. и является единственным оригинальным памятником по истории северо-восточной летописной традиции своего времени. Одним из вопросов, вызвавшим дискуссию при его изучении, был вопрос о происхождении «Свода 1305 г.» Речь шла о памятнике, имевшем первостепенное значение для всего последующего развития летописного дела. В литературе обсуждались две разные точки зрения по этому вопросу, связанные в основном с исследованиями А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова.

Заключение А. А. Шахматова² о Лаврентьевской летописи как памятнике общерусского митрополичьего летописания не утвердилось в литературе, а наоборот, подверглось большому сомнению³. Признание получило мнение М. Д. Приселкова, видевшего в памятнике тверской великокняжеский свод⁴. Развитие традиционного владимирского великокняжеского летописания на Северо-Востоке Руси действительно наиболее соответствовало общему уровню общественно-политической жизни ее земель в начале XIV в.

Однако вопрос о происхождении памятника не исчерпывается этой важной, но только одной стороной темы. Заключение А. А. Шахматова по этой теме трактуется гораздо шире и содержит одну плодотворную мысль. Он назвал Лаврентьевскую летопись сводом времени митрополита Петра, а его главным источником — «Великий летописец» (иначе — Владимирский полихрон). Ученый отметил, что предполагаемый им памятник прослеживается не только в Лаврентьевской летописи, но и в Ипатьевской и Новгородской I по Синодальному списку летописях. Тем самым А. А. Шахматов допускал бытование в начале XIV в. еще одного памятника (кроме Лаврентьевской летописи), непосредственно связав с ним формирование новых летописных сводов XIV — начала XV в.

Основное положение в отношении заключительной части «Свода 1305 г.», высказанное М. Д. Приселковым, не согласуется с таким выводом. По его словам, составленный в Твери «Свод 1305 г.» непосредственно продолжил после перерыва великокняжеское летописание, которое велось до 1281 г. в Переяславле. «Последний отдел» памятника отнесен им исключительно к работе тверского сводчика. Отмечая ветхий, с дефектами лаврентьевский экземпляр «Свода 1305 г.», М. Д. Приселков считал, что в Троицкой летописи дошел до нас «исправнейший текст»⁵ тверского памятника. К изучению Лаврентьевской летописи ученый обращался несколько раз, и история ее текста уточнялась⁶. Связанные с

этим изучением наблюдения весьма ценны, но не полны и не лишены противоречий и недосказанности о некоторых текстах. Повторный анализ текстов Лаврентьевской летописи в пределах 1281/1283—1305 гг. позволяет внести определенные коррективы в соответствующие наблюдения М. Д. Приселкова. Известно, что в древней рукописи Лаврентьевской летописи утрачены листы за 1263 до середины 1283 г., 1288 до середины 1294 г.; листы за 1286—1287 гг. являются «пустыми». Поэтому речь фактически идет о статьях 1283—1285, 1294—1305 гг. Правда, М. Д. Приселков, полагая, что текст Троицкой летописи почти тождествен отсутствующим «кускам» Лаврентьевской летописи, привлек для характеристики изучаемого свода, начиная с 1281 г., и материал Симеоновской летописи как отразившей «Свод 1409 г.». Вряд ли это правомерно. Тем более что материал этот использован выборочно и в известной степени тенденциозно.

Прежде всего коснемся непосредственно записей о тверских событиях. Первая летописная запись, открывающая местное тверское летописание, датирована А. Н. Насоновым 1285 г.⁷ С этой даты в «Своде 1305 г.» идет цепочка тверских записей, представляющих 12 известий до 1302 г. Это — культовые записи и семейная хроника, начало которых положено в 90-х годах. К тверским записям «Свода 1305 г.» М. Д. Приселков отнес составленный по припоминаниям материал о местных событиях, читавшийся предположительно в Троицкой летописи под 1287—1291, 1293 гг. Только некоторые из них находят подтверждение в прямых выписках Н. М. Карамзина из Троицкой летописи.

Кроме того, в фонд известий тверского происхождения включено и описание в «Своде 1305 г.» переяславльских событий, например, под 1247, 1301 гг.

Ученый писал, что не видит оснований предполагать для «переяславльских известий» особого источника. К тверской обработке предшествующего «Свода 1281 г.» отнесены и местные известия Лаврентьевской летописи под 1271, 1276, 1282 гг. Однако и на этом фоне тверских текстов ведущий стержень летописного рассказа с 1281 г. относится к другим материалам, которые названы вспомогательными источниками. Среди них перечисляются еще раз переяславльский материал, новгородский, рязанский и ярославский (Летописец Федора Черного) летописцы.

Повесть о борьбе великого князя Дмитрия с братом Андреем, заключенное в утраченных статьях 1281—1283 гг., написано, по мнению М. Д. Приселкова, в Переяславле тем же лицом, что и сам «Свод 1281 г.», и является его продолжением. В состав новгородского источника входят вместе с новгородскими все известия о деятельности великого князя Андрея Александровича, о Владимире и татарских делах в статьях 1293/1294—1296, 1300—1303 гг. При этом замечено, что известия, связанные с событиями во Владимире, записаны новгородским летописцем и использованы тверским сводчиком в 1306 г., как это было сделано до него переяславльским сводчиком в 1283 г. Исследователь отсылает читателя к Новгородской I летописи по Синодальному списку⁸. Несколько записей «Свода 1305 г.» фактически не рассмотрены или оставлены без объяснений. Это касается Повествования о Курском княжении под 1283—1284 гг. и «московских», «коstromских», «переяславльских», «смоленских» и некоторых других известий, которые в основном представляют текст после 1300—1302 гг., т. е. само окончание памятника. Правда, о «москов-

ских» и «коstromских» известиях высказано предположение, что они могли быть записаны по устной осведомленности сведчика о текущих современных и близких ему событиях.

Дополнительные записи с соответствующим материалом Троицкой летописи с конца XIII в. и до 1305 г. связываются исследователем с последующими годами развития событий и привлечением новых материалов местных летописей; исключение сделано для двух известий Симеоновской (Троицкой) летописи за 1305 г.: о смерти великого князя Андрея Городецкого (с полной датой) и о поездке в Орду тверского князя Михаила Ярославича. М. Д. Приселков обратил внимание, что известие о князе Михаиле имеет в тексте ссылку на событие следующего года, после возвращения князя из Орды, т. е. 1306 г., упоминание о нем в «Своде 1305 г.» отсутствует. То, что в «Своде 1305 г.» нет упоминания о смерти князя Андрея, объяснено испорченностью «древнего текста» в конце; его не смог прочесть монах Лаврентий и оставил для этого «последнего известия» памятника пробел перед своим послесловием размером в три с половиной строки. Это — довольно большое допущение; вполне естественно, что послесловие монаха не слито с текстом переписанных им книг.

Кроме того, в Троицкой летописи (согласно прямой выписке Н. М. Карамзина⁹) запись о смерти князя Андрея предшествовала под тем же годом описанию грозы в Костроме (известное Лаврентьевской летописи). Такое допущение было необходимо исследователю для подтверждения своего положения о характере и целях составления «Свода 1305 г.» как заложившего основы великокняжеского летописания в Твери и доведенного изложение материала до смерти предшественника будущего великого князя Михаила Ярославича Тверского. Однако характеристика всей заключительной части «Свода 1305 г.» в целом, предложенная М. Д. Приселковым, не отвечает основному тезису о нем как памятнике великокняжеского владимирского летописания. Думается, что в памятнике такого типа главное место должно занимать описание развития современных и ведущих событий на Северо-Востоке Руси и связанных с ними жизни и действий лиц верховной власти на этих землях. Этому материалу в обзоре известий М. Д. Приселкова в основном отведена вспомогательная роль.

В заключительной части текста Лаврентьевской летописи содержатся 48 записей и Повествование о Курском княжении, из которых 15 отражают события и факты «великокняжеского значения» вплоть до конца, т. е. до 1305 г. Представляется, что все они имеют единое происхождение. Вот эти записи.

1294 г. — о набеге Дюденовой рати на Суздальскую Русь против великого князя Дмитрия Александровича и взятии татарами 14 городов.

Это — целый летописный рассказ, где основное внимание сосредоточено на разорении «стольного града, славного Владимира», Суздаля и Переяславля; в нем осуждаются действия князя Андрея с татарами против старшего брата, великого князя Дмитрия, который «тогда был в Переяславле» и бежал в Псков. Рассказ заканчивается описанием обратного пути от Твери к Переяславлю татар и князя Андрея, узнавших о возвращении из Орды князя Михаила Тверского. В Лаврентьевской летописи сохранился сокращенный текст рассказа, начиная с похода Дюдены из Переяславля к Москве.

Нет оснований считать текст о Дюденовой рати тверским по происхождению, где летописец, в частности, пишет о тверском князе в третьем лице: «а князя их Михаила не бяше в земле их». Другое дело, что рассказ, по всей вероятности, отредактирован тверской рукой, как, например, в рассказах:

— об отъезде князя Андрея в Великий Новгород,

— о выходе зимой князя Андрея из Великого Новгорода в Торжок.

1295 г.— о возвращении великого князя Дмитрия в свою отчину мимо Торжка и его «переимании» на броду и отнятии товара князем Андреем.

В Симеоновской летописи в этом известии имеются лишние чтения¹⁰.

— о смерти великого князя Дмитрия близ Волока.

В выписке Н. М. Карамзина¹¹ и Владимирском летописце¹² содержится еще указание о смерти князя на пути «в чернецах и в схиме» и перевозе его тела в Переяславль. Все эти записи представляют одну нить повествования о завершении долголетнего спора двух князей-братьев. В Новгородской I летописи повествование о названных событиях, начиная с рассказа о Дюденовой рати, идет в другой редакции; в ней отсутствует изложение эпизода о «переимании» на броду князя Дмитрия, который успел «перепроводиться через реку». Каждое из этих событий могло быть записано на местах.

1296 г.— о поставлении в ноябре месяце Семена епископом во Владимир.

В Новгородской I летописи нет этого известия.

1297 г.— о приходе великого князя Андрея из Орды и собирании рати на Переяславль, Москву и Тверь, выходе с ратью князей Михаила Тверского и Даниила Московского и стоянии в Юрьеве, а Андрея — во Владимире, заключении мира.

В Симеоновской летописи упомянутое известие является продолжением описания съезда русских князей с участием посла Неврюя во Владимире, состоявшегося после возвращения великого князя Андрея из Орды. Оба события тесно связаны между собой.

В Лаврентьевской летописи упомянут только факт возвращения князя Андрея из татар, а редакция сохранившегося известия — тверская. В заключении записи говорится о передаче князем Иваном Дмитриевичем Переяславльским, ушедшим в Орду, «блюсти отчины своее и Переяславль» князю Михаилу. Однако сами записи о событиях 1297 г., связанные с борьбой великого князя за Переяславль, очевидно, не тверские. Известно, что борьба за обладание богатым Переяславльским княжеством после смерти Дмитрия с самого начала складывалась в пользу Москвы. По данным Владимирского летописца, право покровительства над Переяславлем было передано князю Даниилу; в «Своде 1497 г.» сообщается о передаче наблюдения над отчиной обоим князьям: «им приказал свою отчину»¹³ (в 1303 г. по «благословению» князя Ивана Переяславль был передан во владение московского князя Даниила). Но эта версия — более позднего времени. В конце XIII в. в Москве еще не велось летописной работы.

1300 г.— об оставлении из-за татарского насилия митрополитом Максимумом митрополии в Киеве и приходе через Брянск в Суздальскую землю.

В Новгородской I летописи нет этого известия. В Лаврентьевской летописи опущено сведение Симеоновской, что Максим «седе в Володимери».

1301 г. — о съезде русских князей во главе с великим князем Андреем в Дмитрове и заключении между ними мира.

Запись оканчивается фразой «А Михайло с Ъваном недокончал межи собою», которая производит впечатление приписки.

1302 г. — о походе великого князя Андрея из Великого Новгорода с новгородцами против немцев и взятии немецкого городка на Неве.

Данное известие также имеет продолжение, в котором говорится о князе Михаиле Тверском, вернувшемся с пути в Новгород после получения сведения о победе над пемцами.

В Новгородской I летописи запись о победе над немцами имеет пространную редакцию, в ней указывается на участие во взятии города Венец «низовских полков», «суздальцев», но нет ни слова о тверском князе. В Николаевской летописи говорится о владимирцах и новгородцах¹⁴.

1303 г. — о смерти князя Ивана Дмитриевича в Переяславле.

Это глухое известие «Свода 1305 г.» в Троицкой летописи читалось более подробно с полной датой и в ретроспективной правке московского сводчика¹⁵.

— о вокняжении зимой князя Даниила Александровича в Переяславле.

В Троицкой летописи это известие объединено с сообщением о смерти переяславльского князя¹⁶ и имеет московскую версию. В ее тексте нет слов Лаврентьевской летописи: «на зиму».

— о поездке осенью великого князя Андрея в татары.

Новгородская I летопись по Синодальному списку содержит это известие, но без уточнения, что поездка произошла осенью. В Троицкой летописи сообщение о поездке «той же осенью» идет вслед за известием о смерти переяславльского князя и вокняжении в Переяславле князя Даниила.

— о смерти сына Андреева Бориса в Костроме с полной датой.

Одно из нерассмотренных «костромских» известий.

1305 г. — о буре в Костроме и сожжении «от пожара» церкви св. Феодора, с полной датой.

Кострома была великокняжеской территорией. Сюда приезжали русские князья на съезды. Здесь, в церкви св. Феодора, в 1266 г. был венчан, а в 1276 г. захоронен костромской и владимирский князь Василий Ярославич¹⁷, в 1283 г. убит боярин князя Андрея — Семен Тониглиевич, в 1293 г. на костромском княжении сел сын великого князя Дмитрия — Иван¹⁸, а спустя 10 лет летопись отметила тут смерть князя Бориса — сына другого великого князя, Андрея.

Материал упомянутых 15 записей Лаврентьевской летописи гораздо богаче, и связанное с ними развитие событий распространено в других памятниках: Новгородской I, Симеоновской (Троицкой), Суздальской по Московско-Академическому списку, Никоновской летописях, Владимирском летописце. В общем это довольно большой комплекс летописных текстов, объединенных одной темой. Укажем, к примеру, записи Троицкой летописи: о браке князя Ивана Переяславльского (1286 г.), о походе великого князя Дмитрия на Тверь (1287 г.), о возвращении великого

князя из Орды вместе с татарским послом и с ярлыками на княжение владимирское и съезде всех русских князей и митрополита Максима в Переяславле (1304 г.)¹⁹. Последние два известия имеют ретроспективную правку московского сводчика. Московская версия события 1287/1288 г. дается в Тверском сборнике²⁰.

Полагаем правомочным высказать следующие предварительные соображения по затронутой теме статьи.

1. Лаврентьевская летопись отражает великокняжеское летописание, но, очевидно, не тверское. Оно посвящено описанию событий времени великих князей Дмитрия и Андрея — сыновей Александра Невского.

2. Более определенно следует говорить, что 1281 г. не является завершающим рубежом летописной работы в Переяславле; она имела продолжение в 80—90-х годах.

3. Само составление великокняжеского свода, известного нам по Лаврентьевской летописи, может быть, следует связывать, как это делал А. А. Шахматов, с Владимиром. Там жил, став в 1294/1295 г. великим князем, Андрей Александрович. Отсюда, наверное, князя Андрея «везше» после смерти в 1305 г. в его удел — Городец²¹. Новгородская I летопись с этого времени почти не упоминает о нем (тогда новгородским князем был его сын — Борис). Во Владимир переехал в 1300 г. из Киева «с клиросом и совсем житием своим» митрополит Максим. Летописи пишут о «стольном» городе с 1294 г. постоянно (Лаврентьевская летопись под 1294, 1296, 1297, 1300 гг.). Переяславль, который оказался с конца XIII в. в центре острого соперничества за политическое первенство на Северо-Востоке Руси, постепенно переходил в новую сферу влияния и вряд ли мог, как прежде, представлять интересы нового великого князя.

4. При составлении рассматриваемого великокняжеского свода был привлечен материал местных летописей других северо-восточных центров, в том числе новгородской, рязанской, смоленской. К руке сводчика надо отнести включение в текст свода Повествования о Курском княжении, рассказывающего о событиях в бывшей области Черниговского княжества за 1287—1288 гг.²² Это — вставка, разрывающая последовательное изложение материала в статьях под 1283—1285 гг., сохранилась и в памятниках, исходящих из «Свода 1305 г.» Полемический характер рассказа этого Повествования о бедствиях от татарского насилия на земле Курского княжения и «в Руси» созвучен времени появления «Свода 1305 г.» Автор рассказа, объясняя причины «великого зла», писал о «нашей неправде», «мню же и князеи ради, понеже живяху в которе».

Сводчик использовал Летописец князя Федора Ростиславича Черного (5 известий). Его существование подтверждается дополнительным материалом других летописей (2 известия)²³. Федор Черный являлся постоянным союзником в действиях князя Андрея Александровича в 1281, 1293, 1297 гг. Поэтому присутствие материала о нем в «Своде 1305 г.» весьма примечательно. Только «Летописец» имеет, по всей вероятности, не ярославское, а смоленское происхождение. Федор Черный был смоленским и ярославским князем. Смоленск — «отчина» этого князя. В Лаврентьевской летописи имеются еще два смоленских известия, а под 1280 г. — о вокняжении князя Федора в Смоленске (эти известия — в числе не рассмотренных М. Д. Приселковым записей). Материал о князе Федоре Черном находится в этой летописи в сокращенной форме, в ней снят «критический аспект» первичного источника действий князя Федора Чер-

ного, который читается например в соответствующих записях Симоновской летописи (1297, 1298/99 гг.). В замене, в записи под 1293 г. о воцелении князя Федора «в Переяславле» (в связи Дюденовой ратью) на «Ярославль» видна другая рука — редактора «Свода 1305 г.» К указанным местным источникам и тверской летописи следует отнести 5 записей в памятнике о некоторых стихийных бедствиях.

5. Лаврентьевская летопись содержит, несомненно, не весь объем, а только часть материала великокняжеского свода начала XIV в. Об этом свидетельствует плохая сохранность рукописей «ветшних книг» монаха Лаврентия и святой им самим в 1377 г. копии памятника, с которой работает современный исследователь. В летописях, исходящих из «Свода 1305 г.» дается более полная редакция записей, известных Лаврентьевской летописи. Не случайно, что М. Д. Приселков видел в Троицкой (Симеоновской) летописи «исправнейший» экземпляр «Свода 1305 г.». Великокняжеский свод начала XIV в. известен нам в редакции тверского летописца. А. Н. Насонов писал: «В Лаврентьевской и Симеоновской летописях имеем в составе великокняжеских владимирских сводов местную тверскую летопись, которая открывалась записями не позднее 1285 г. и представляет собой обычную местную летописную работу»²⁴. По мнению этого исследователя, местная тверская летопись была источником великокняжеского владимирского свода 1327 г., составленного тверским сводчиком. Вопрос о «Своде 1305 г.» как тверском памятнике обойден А. Н. Насоновым. Указано только на наличие «излишков» тверского материала в Рогожском летописце, Тверском сборнике в пределах до 1306 г.²⁵

Не исключено, что запись в Лаврентьевской летописи является одним из первоначальных вариантов, своего рода черновой рукописью начатой в Твери работы над великокняжеским памятником начала XIV в., увенчавшейся в конце 20-х годов составлением свода времени великого князя Михаила Ярославича Тверского.

Забвение вывода А. А. Шахматова о составлении «Великого Летописца» в первых десятилетиях XIV в., где-то уже после смерти митрополита Максима во Владимире (1307 г.), думается, было преждевременным. Желательно вновь вернуться к этой теме на уровне большого исследования о северо-восточной летописной традиции и определить место всему большому комплексу материала с 80-х годов XIII — начала XIV в.

¹ ПСРЛ, т. I. М., 1962. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Московско-Академическому списку. Воспроизведение текста издания 1926—1928 гг.

² Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 13—15, 18—20; *Он же*. Разыскания о древнейших летописных русских сводах. СПб., 1908, с. 245—248.

³ См., например: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 260.

⁴ Приселков М. Д. Летописание XIV века.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 36—37.

⁵ Приселков М. Д. Летописание XIV века, с. 38—39.

⁶ Приселков М. Д. Летописец 1305 г.— В кн.: Века, вып. I. Пг., 1924, с. 28—35; *Он же*. Лаврентьевская летопись (история текста).— Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия исторических наук, 1939, № 32, вып. 2, с. 77—142; *Он же*. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 100—110.

⁷ Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества.— Доклады АН СССР. Серия В. Л., 1926, с. 126.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

- ⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, СПб., 1830, прим. 206.
¹⁰ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913 (1294 г.).
¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 172.
¹² ПСРЛ, т. XXX. М., 1965 (1294 г.).
¹³ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963 (1296 г.).
¹⁴ ПСРЛ, т. IX—X. СПб., 1962. Воспроизведение текста издания 1862 и 1885 гг.
¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 188.
¹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 188.
¹⁷ Новгородская I летопись. Комиссионный список.— ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись.
¹⁸ ПСРЛ, т. I. Суздальская летопись по Московско-Академическому списку.
¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV, прим. 468, 469, 491.
²⁰ ПСРЛ, т. XV. М., 1965. Воспроизведение текста издания 1863 г. (1288 г.).
²¹ ПСРЛ, т. IX—X. Никоновская летопись (1299, 1304 гг.).
²² Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.—Л., 1940, с. 74.
²³ ПСРЛ, т. I. Суздальская летопись по Московско-Академическому списку.
²⁴ Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества, с. 126.
²⁵ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.— Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 9, с. 764—767.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ МОСКОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ XIV—XV ВВ.

Одной из наиболее важных тем в изучении русского феодализма является история средневекового ремесла и ремесленников. В послевоенные годы к ней обратились многие советские исследователи (Б. А. Рыбаков¹, М. Н. Тихомиров², А. М. Сахаров³, Л. В. Черепнин⁴, А. А. Зимин⁵ и др.). Благодаря их усилиям нарисована общая картина развития русского ремесла, охарактеризовано социальное положение ремесленников.

Некоторые, по преимуществу частные, вопросы остались предметом дискуссии. К ним принадлежит и толкование двух статей докончаний (договоров) великих князей московских с серпуховско-боровскими князьями, посвященных положению ремесленников и крестьян в Москве и ее округе.

Вот эти статьи: «А в город послати ми своих наместников, а тебе своего наместника, и не очистить холопов наших и сельчан по отца моего живот, по князя по великого»⁶, «А кого собе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому, з братью два жеребья, а тебе, брате, треть»⁷.

Трактовка этих статей в предшествующей советской литературе была противоречивой. Впрочем, все исследователи единодушно исходили из предположения, что холопы и сельчане, судьба которых решалась на-

местниками в Москве, находились там же, т. е. в столице, но им-де там не место, следовательно, речь шла об определении участи беглых.

Далее построения историков разошлись. В. Е. Сыроечковский, настаивая на отличии русских городов средневековья от европейских, утверждал, будто «городской воздух княжеской Москвы не изменял судьбы холопа: князья требовали возврата их»⁸. Эту точку зрения разделил и А. М. Сахаров, полагавший, что статья говорит о возвращении холопов их старым владельцам, а вовсе не об оставлении их в городе⁹.

М. Н. Тихомиров обратил внимание на существенный факт: принадлежность этих статей исключительно dokonчаниям великих князей московских с потомками младшего сына Ивана Калиты — Андрея. Он же указал и хронологическую границу «очищения» — смерть Ивана Ивановича Красного. Лишь беглые, осевшие в Москве после этой даты, подлежали «очищению» в противоположность тем, которые стали жителями Москвы еще при Иване Красном.

В трактовке термина «очистить» М. Н. Тихомиров избрал второе толкование, предложенное Г. Е. Кочинным: освободить от долговых обязательств, от заклада¹⁰. Что же касается судьбы беглых, изложенной во второй статье, то, по мнению М. Н. Тихомирова, статья говорила «об оставлении в городе с подчинением определенному третьему владельцу»¹¹.

Особую концепцию развил Л. В. Черепнин. В отличие от своих предшественников в холопах и сельчанах он увидел феодально зависимых людей. Термин «очистить» он трактует, как обозначение специального расследования с целью (по аналогии с Псковской судной грамотой, ст. 51, 9) выяснения взаимоотношений и обязательств зависимых крестьян и землевладельцев. Это мнение, распространив его на холопов, позднее поддержал А. А. Зимин, нашедший его убедительным¹².

Княжеская политика исходила, по мнению Л. В. Черепнина, из желания освободиться от части ненужных в хозяйстве наличных холопов, которые после «очистки» могли оставаться в городе. «...Политика московских князей,— пишет он,— вынужденных считаться с требованиями горожан, приводила к тому, что беглые княжеские крестьяне и холопы выходили из чисто владельческой феодальной зависимости и оседали в городе (по крайней мере в Москве), получая на это последующую санкцию со стороны княжеской власти»¹³.

Сроки «очистки» Л. В. Черепнин вслед за М. Н. Тихомировым отнес к времени после смерти Ивана Красного. Проверка лиц, уподших в Москву до этого, представляется ему нецелесообразной за давностью времени.

Отличается от предшественников и понимание Л. В. Черепниным второй статьи. Он считает, что огородники и мастера, упоминаемые в этой статье, не принадлежали к княжеским, поскольку-де они противопоставлены холопам и сельчанам первой статьи, характеризующей их определением «паши». Чужие ремесленники, которых князья, и в частности великий князь московский, переводят в разряд своих, по мнению Л. В. Черепнина, «получат личную свободу и станут нести тягло, а повинности, с них взимаемые, князья поделят между собой пропорционально той доле, которая причитается каждому из доходов с города Москвы»¹⁴.

В связи с таким разнообразием мнений представляется полезным специальное рассмотрение вопроса о холопах, сельчанах, огородниках и мастерах dokonчаний московских и серпуховско-боровских князей.

Первая из рассматриваемых статей появляется в договорной грамоте Дмитрия Ивановича Донского с князем Владимиром Андреевичем в марте 1389 г. Позднее она включена в докончание Василия Дмитриевича с тем же князем 1390 г., однако без заключительных слов: «по отца моего живот, по князя великого»¹⁵. В этой редакции она включена в докончание Василия II с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем 1433 г.¹⁶ Новая редакция принадлежит докончанию тех же князей 1447 г.: «А в городе на Москве послати нам своих наместников, и они очистят наших холопов и селчан»¹⁷ — и последующим договорам 1450—1454 гг., 1451—1456 гг.¹⁸ В конце 50-х годов XV в. треть владений Василия Ярославича перешла в руки Василия Темного, и это спяло необходимость решения вопроса о холопах и сельчанах.

Лишь передача трети наследников Андрея Калиты по завещанию Ивана III угличскому князю Андрею Васильевичу и дмитровскому Юрию Васильевичу оживила интерес к городскому и сельскому населению Москвы. В докончании Андрея Васильевича и Ивана III возродилась формула конца XIV в., согласно которой наместник удельного князя вновь получил право рассмотрения принадлежности холопов и сельчан¹⁹, в чем выразились усиление удельных князей и их попытка сопротивляться процессам централизации государства.

Хотя треть Андрея Калиты еще раз поступила в раздел между великим и удельным князьями (по духовной Ивана III она была поделена между его младшими сыновьями), вопрос о холопах и сельчанах больше не поднимался.

Приведенные данные показывают, что включение статьи о холопах и сельчанах тесно связано с судьбой трети Андрея Ивановича. Обратимся к духовной Ивана Ивановича Красного, отца Дмитрия Донского и двоюродного брата Владимира Андреевича. Долю этого последнего духовная описывает так: «на Москве в наместничестве треть, и в тамзе, в мытех и в пошлинах городских, что потятло к городу. И что мед оброчныи Василцева стану и что отца моего купленные бортники под вечные варях... то им все на трое»²⁰. Таким образом, помимо холопов, отпущенных Иваном Красным на свободу, он распорядился и наследием отца — Ивана Калиты, очевидно, включавшим холопов («купленные бортники»).

В духовной Калиты содержится более глухое упоминание об этих людях: «А что моих бортники и оброчники купленных, которые в которой росписи, то того»²¹. Обращает на себя внимание то, что в завещании Калиты определение «купленные» может относиться не только к оброчникам, но и к бортникам.

По-видимому, принадлежность оброчников и бортников Калиты была объектом рассмотрения великокняжеского и удельного наместника на протяжении полутора столетий после смерти самого Калиты. На первый взгляд это представляется маловероятным. Однако формула духовных и договорных грамот князей относительно верности старине, которой якобы руководствовался каждый из князей, не была просто красным словом. Приверженность старине пронизывала все области средневековой культуры.

Документы сохранили и другой случай розыска холопов, вернее, их потомков в течение столетия. Хорошо известные в литературе В. Новокшенов и его родственники разыскивали своих холопов по документам деда и прадеда²².

Текст статьи и контекст договорной грамоты не дают оснований видеть в холопах и сельчанах беглых. В докончаниях князей есть специальная статья, посвященная вопросу о беглых: «А холопа, робу, должника, поручника, беглеца по исправе выдати»²³.

По тексту статьи неясно, где жили люди, бывшие объектом спора. Вероятно, холопы находились в Москве, а сельчане — в околгородных селах, вопросы принадлежности которых регулировались княжескими докончаниями.

Вторая статья о распределении наследия Калиты между князьями — совладельцами Москвы включена в докончание 1390 г.: «А кого себе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому, з братьею два жеребья, а тебе, брате, треть»²⁴. Эта статья в договоре 1447 г. звучала несколько иначе: «А кого, брате, *выму* себе огородников и мастеров, и мне, великому князю, и *моим детем* два жеребья, а тебе, брате, того треть»²⁵. Та же редакция сохранилась и в договоре 1450—1454, 1451—1456 гг.²⁶ Новая формула предполагает, что великокняжеский наместник единолично решал вопрос о принадлежности холопов, что было результатом усиления великокняжеской власти после феодальной войны 30-х годов XV в. Имеет ли она отношение к тем же самым людям, о которых шла речь в первой статье, можно решить лишь с помощью терминологического анализа.

Термин «очистить», по материалам И. И. Срезневского, имеет несколько значений: простить, освободить, выяснить положение, устроить, доказать принадлежность, освободить от залогов, недоимок²⁷. И. И. Срезневский в разбираемой нами статье толкует этот термин как «выяснить положение». Думается, в связи с общим пониманием этой статьи более уместно близкое по значению — «доказать принадлежность».

Холопы и сельчане, принадлежность которых членам великокняжеской семьи доказывалась наместниками, подлежат позднее разделу. Князья выбирают (точный перевод слова «вымемь» или «выму») из общей массы холопов и сельчан своих, которые потом делятся на две части в соответствии с владениями князей — соуправителей в Москве²⁸.

Соответствуют ли «огородники и мастера» «холопам и сельчанам» первой статьи, трудно решить. Очевидно одно: огородники, вопреки мнению Л. В. Черепнина, не строители оград, а земледельцы, поставившие овощи на великокняжеский и других князей столы. Только это значение знает словарь И. И. Срезневского²⁹. Огородники наряду со страдниками входили в состав холопов Ивана Юрьевича Патрикеева³⁰. Вероятно, об этих же огородниках-земледельцах писал верейский и белозерский князь Михаил Андреевич в своей духовной, передавая Ивану III «в Москве жеребей и с пошлинами и с огородники», или более подробно — в другом варианте духовной: «и с селы и с деловыми деревнями»³¹. Это перечисление указывает, что огородники были заняты сельским хозяйством, а не строительством. В великокняжеской Москве сады и огороды располагались не только вокруг столицы, но и на посаде.

Мастера, о которых говорится во второй статье, — это, по-видимому, в первую очередь портные. Именно они чаще всего наряду с серебряными мастерами называются этим термином³².

В советской литературе хорошо изучен вопрос о ремесленниках-холопах. Последние занимались всеми видами ремесла, обслуживавшего феодальное хозяйство³³. Поэтому предположение о том, что под назва-

нием «мастеров» могли скрываться «холопы» первой статьи, не представляется невозможным.

Не исключено также, что огородники второй статьи — это сельчане первой. Правда, вопрос о селах, их населении и взаимоотношениях с городом нуждается в дополнительном исследовании.

Итоги рассмотрения двух статей междукняжеских докончаний можно свести к следующему. На протяжении почти полутора веков шел спор между великим князем и князем-третником о владениях потомков холопов и сельчан, унаследованных от Ивана Калиты.

Длительное включение этих пунктов в междукняжеские договоры показывает, что роль холопов в великокняжеском хозяйстве была довольно велика. Не случайно С. Герберштейн писал, что в «Московии... все домашние работы делаются руками рабов»³⁴.

В свете рассмотрения данных княжеских докончаний XIV—XV вв. представляется убедительной и мысль о более важной роли рабства и в предшествующее время, в частности в Древнерусском государстве³⁵, чем это было принято считать раньше.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; *Он же*. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957; и др.

³ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959.

⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

⁵ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

⁶ ДДГ, № 11, с. 32.

⁷ ДДГ, № 13, с. 39.

⁸ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М., 1935, с. 82—83.

⁹ Сахаров А. М. Города..., с. 218.

¹⁰ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.—Л., 1937, с. 226—227.

¹¹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва..., с. 99—100.

¹² Зимин А. А. Холопы на Руси..., с. 349.

¹³ Черепнин Л. В. Образование..., с. 339.

¹⁴ Черепнин Л. В. Образование..., с. 340.

¹⁵ ДДГ, № 13, с. 39.

¹⁶ Там же, № 27, с. 71.

¹⁷ Там же, № 45, с. 131, 133, 134, 137, 140.

¹⁸ Там же, № 56, с. 171, № 58, с. 182, 186.

¹⁹ ДДГ, № 66, с. 216. До 1472 г.

²⁰ Там же, № 4, с. 15. Около 1358 г.

²¹ Там же, № 1, с. 10. Около 1339 г.

²² АСВР, т. III. М., 1963, № 439.

²³ ДДГ, № 24, с. 65, 67.

²⁴ Там же, № 13, с. 39.

²⁵ ДДГ, № 45, с. 131, 133, 134, 137, 140.

²⁶ Там же, № 56, с. 171; № 58, с. 182, 186.

²⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, с. 846.

²⁸ Подробнее об этом см.: Тихомиров М. Н. Московские третники, тысяцкие и наместники.— Изв. АН СССР. Серия истории и филос., 1946, № 4, с. 309—320.

²⁹ Срезневский И. И. Материалы..., т. II, с. 606.

³⁰ ДДГ, № 86, с. 346.

³¹ Там же, № 80, с. 301, 306, 308. Около 1486 г.

³² Там же, № 86, с. 345, 347.

³³ Зимин А. А. Холопы на Руси..., с. 300 и далее.

³⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 73.

³⁵ Ср.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.